

Елена Канеева

Елена Канеева родилась в 1956 году в Калининграде. Образование высшее техническое. Публиковалась в журналах: «Берега», «Мурр+», «Балтийские зори» и др., в Интернете на сайтах stih1.ru, proza.ru. Принимает участие в жюри фонда ВСМ (Международный Фонд Великий Странник – Молодым). Участвует в литературном объединении «Эклога», в клубе детских писателей Калининграда. Лауреат международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2017). Издано две книги стихов и прозы, рисунков.

РУСЬ

Какая тишь.
И ты стоишь,
Сама подобная
Собору.
Не верится,
Что отдадут
Тебя
На поруганье
Вору.
Сосчитанная
До небес,
До синих кедров,
В рощах белых
Как убаюкивала нас
В своих угодьях,
Оробелых.
Как устоишь?
Опять одна...
Мой нерв гудит
Гитарной строчкой.
По камушкам
Грядёт весна,
Едва покрытая
Сорочкой.

РУСЬ ТЕРПЕЛИВАЯ

Полинялые платки и одежды,
Эх вы, русские штыки и невежды.
Эх вы, бабий сарафан и обноски,
Тосковать да причитать у берёзки.
А на ваших рукавах алый бархат,
А на ваших-то руках только плакать.
А на ваших-то плечах столько горя,
Утонуло бы в слезах сине море.
Сколько дюжих мужиков повалило,

Сколько девок, не любя, отлюбило.
Нет терпения в Руси, не осталось,
Вышла на люди, да там и осталась.
Потекла в крови святая водица,
Верит боле не делам, небылицам.
Разучилась танцевать да смеяться,
Ей работать бы, греха не бояться.
Повернись на поворот, и копейка.
А на западе, в кругах, аж истерика.
Нет терпения в Руси, не осталось,
Слишком совестно и долго скиталась.
У нее сейчас весна, хоть и холод,
А иначе в мире мор, трус и голод.

РУСЬ ЦЫГАНСКАЯ

За большим столом – покати шаром,
Мужики сидят, водку пьют.
На большом столе самогона мне
Наливают и подают.

Как на нём простор и за ним простор,
В поле солнышка больше нет.
Закатилось, ночь сгустилась,
А в глазах людей ясный свет.

Думу думают, не придумают,
Русь цыганская понесла
Непонятно что, непонятно как.
Доброта её больше зла.

ВИШНЯ

Пыль по городу след замечает,
Оседая на небе – горчит,
Только вишня опять зацветает
И невестою в белом горит.

Как в далёком году сорок первом
И отверженном тридцать шестом,
Когда нервы болели, как стервы,
Зауряден был страх и погром.

Холода и сороки витают,
А она о любви говорит,
Одуванчики цвет набирают,
Ржавый спутник по небу летит.

Как в далёком году сорок первом
Набухает на венах война,
Сокровенная тайна военных
Иностранным державам нужна.

Небеса неухоженно прочны,
Достучаться ли тенью молитв?
Только вишня о светлом пророчит,
По старинке по струнке стоит.

КАЛИНИНГРАДСКОЕ

Когда я всматриваюсь в город,
В его окрестности, леса,
То неизбежно устремляюсь,
Молясь о павших, в небеса.

Брусчатка серая дороги,
Строй сохранившихся домов
И восстановленные храмы,
Собора кафедральный остров

Напоминают, как тут было,
Когда война происходила.
Как выглядело до неё
Немецко-прусское житьё.

И я, в послевоенной пыли
Подснежник на чужой могиле,
Прошу, чтоб не было войны,
Чтоб не было ничьей вины,

Настолько сильной, невозможной,
Чтоб сделать целью непреложной
Захваты местности, воды
И воздуха. Ещё – еды.

* * *

О нет, вы не услышите напрямую,
Какую нам сейчас плетут кривую
Дорогу. Спетью, избитую сто раз,
Которая нас уведёт от нас.
Нас проклянут проклятьем нищих глаз,
Нас пожалеют, позабыв о нас.

1989 г.

* * *

Там, где дорога в облака врезается,
Трава от солнца светится насквозь,
Свинushка сизым глянец пробивается,
Свет подпуская под земную ось.
Под золотом заката, то рассвета,
Свободное условно, бродит лето.

* * *

Подбирать шелка и штуки ситца –
Может, лучше с этим не возиться?
Может, лучше плёнки, нефть и пластик,
Чем небес голубизна и праздник?
Чем отрада дней, ко мне летящих
В листьях лет, из ситца состоящих.
То блестящих шёлковой строчкой,
То узором, вышитой сорочкой?
Я листву подённо собираю.
Это Осень. Шёлк и ситец. Знаю.

* * *

Куда труднее быть вдвоём,
Одна. И клетчатая шаль.
О одиночество моё,
Томительная даль.
Молотит мельница дома,
Хрустят следы эпох,
Истлели книжные тома,
Утерян Бог.
А под окошком, не дыша,
Летит твоя душа.
Природа дивно хороша,
Нагруженно шурша.
Под ветром, воздухом стихий,
Ломаются стихи.
И ветки, треск не для глухих, –
Пронзительно сухи.
Молчу, гляжу в своё окно,
Оно замутнено.
В квадрате люди и дома,
И я сама.

Могучей силою воскрес
Народный бес.
Вскипают стоны до небес,
Проклятий лес.
В обрывки дерева вогнав
Железный гвоздь,
В прицеле грубом задрожав,
Поймаем кость.
Осуществится поворот,
Совсем чуть-чуть.
Росой кровавой смочит пот
Сухую грудь.
На перекрестии креста,
Сквозь смертный грех,
Затмит печальное спроста
Ребёнка смех.

КРЕСТ

Мне дано было забытой
Гнить в каком-нибудь углу,
На распяты, на распутье,
Жмусь к позорному столбу.

Распростёрты на дорогах,
Ну зачем вы пали ниц?
Голос мой уже не голос, –
Шелест высохших страниц.

Наступая вам на спины
Каблуками, палачи
Предо мною пели гимны,
Мне ж грозили – замолчи!

И пока мой крест цветами
Выжигала ваша боль,
Озаряло солнце раны,
Высеребренная соль.

Вскинув взор на яркий отблеск,
Лишь один пошёл на свет.
Палачи стреляли в спину,
Тени собственной вослед.

Снова крест, и снова то же.
А вокруг – опять кресты.
Вспоминаю, где Ты, Боже?
Но не Ты, опять не Ты...

* * *

Они летели, как листва, срываясь с древа,
То увядали, как трава, что справа, слева.
А я помочь им не могла. Сама летела.
Вплывала неба синева в безумство тела.

* * *

Кончились темы системы,
Не о чем нам говорить.
Разве что вечная тема –
Быть и как быть иль не быть –
Может ещё повториться.
Но иногда, иногда...
Бьётся серебряной птицей
Слов оловянных слюда.
Множества знаков мнутся:
Кто ты, откуда, зачем?
Значимых нету ответов.
Жизнь – вне систем.

* * *

Мы по городу ходим и молимся
В полотняных белых рубахах,
Два непонятых, неопознанных,
Самозванные два монаха.

Пробуждается город, взрывается,
Суетой, голосами, рекламами,
А над ними, как Каин кается:
«Спаси, Господи, иже с нами».

Забываем свой возраст, без имени,
С ощущением – некуда деться...
В голограмме великого космоса
Безнадёжно великого сердца.

* * *

Я вам спою про старый светлый дом,
Дом был украшен песнями, стихами,
Свивали птицы гнёзда в доме том,
И с вами мы о будущем мечтали.

Шумело море, сыпался песок,
Скрипели дюны робкими шагами,
Взрывались звёзды прямо надо мной,
И тут же птицы мимо пролетали.

В доме тепло, уютная метель
Нас иногда, как маленьких, качала,
И в странных снах, где сказки и капель,
Единственной фиалка расцветала.

Любовь была, таинственная нить,
Она друзей в союз соединяла,
Но грянул гром, и опустел наш дом,
И стало нас в том доме слишком мало.

Нет прочных снов, и светлые дома
Хранят осколки отгоревших буден,
Кто знает, кем мы после жизни будем,
Пока что пишем песни, книг тома.

Нас не поймут пришедшие вослед,
Они начнут жить так, как мы бывало,
Наш тонкий след во тьме грядущих лет
Сотрёт зима, и всё начнёт сначала!

* * *

В декабре декабристы цветут,
Снегом сыплет в окно не на них,
На коньках вокруг дома скольжу,
Превращая прошедшее в стих.

А ещё я на лыжах лечу,
И на птицах, что белых белей,
Отбирает поводья зима,
Холод жалится хуже шмелей.

Были б кони, летела б на них,
Потому что среди них бы росла,
Среди лесов и не скошенных нив,
Зная, вскорости будет весна....

В декабре декабристы цветут,
Подоконник. Окно. Тишина.
За окном фонаря силуэт
И укрытые снегом дома.

УРА

Прощай, иллюзия, навеки,
Я ухожу в далёкий путь.
И вы прощайте, человеки,
И ты, родная, не забудь.

В лесу дремучем звёзды чисто
Горят, как очи у тигрят,
Костры разбрызгивают искры,
Ручьи шипучие звенят,

А в поле, вольно и высоко,
Как вьётся жаворонка трель,
С покоса, на верхушке стога,
Стелить душистую постель.

Бродить по городам ли низким,
В горах ли, в море побывать,
Молчать, неистово и чисто,
За всех невинных отстрадать,

И всё же нету мне покоя!
Доколе вижу наяву
Лиц искажающие боли,
Что уж на помощь не зовут.

«Трагична жизнь в своём
Убранстве и в оскоплении добра...» –
Пишу я, пребывая в рабстве
У бога солнечного, Ра.

ПОХОДНАЯ

Прокатилась сила нездешняя,
Да на наших, на русских ребят.
Позабрили их головы грешные,
Кто вернётся, кто знает, назад.

Мы в походе, крадёмся тропинками,
Как в Афгане иль в старом кино.
Из-за сосен нам солнышко бликами
Освещает, что было давно.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.

Вышли к хутору из окружения,
Нам гитара сейчас – автомат.
Рюкзаки замедляют движение
И потёртые ноги болят.

Перед нами краса расстилается,
Твердь земная спокойствие пьёт,
Нам так нравится здесь, нам так нравится,
Командир на разведку идёт.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.

Не умрёт, если только поверите,
И в себя, и в него, и в поход.
Что прошли, то не значит – «потеряно»,
То от нас никогда не уйдёт,

Наши силы как будто не таяли,
Командир с нами вместе поёт,
Солнце рыжее светлыми ставнями
Прямо по сердцу прожитым бьёт.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.